

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

Н. В. Перцов

ЛИНГВИСТИКА,
ПОЭТИКА,
ТЕКСТОЛОГИЯ

Избранные статьи

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

ББК 80
УДК 80/81
П 27

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16062

Перцов Н. В.

П27 Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 696 с., ил. — (Studia philologica.) — (Вклейка после с. 480.)

ISBN 978-5-94457-241-7

В соответствии с тремя областями филологии, к которым относятся включаемые в книгу работы (лингвистика, поэтика, текстология), сборник подразделяется на три соответствующих одноименных раздела. Последняя статья первого (лингвистического) раздела — «О точности в филологии» — имеет общефилологический методологический статус. В последний, четвертый, раздел — «Из воспоминаний» — помещены три мемуарных очерка, связанные с университетскими учителями автора. Шесть статей написаны в соавторстве (соавторы — Р. В. Дуганов, Н. Н. Перцова, И. А. Пильщиков, И. С. Сидоров). Сквозные мысли работ сборника: 1) скрепляющая роль лингвистики в широкой области филологического знания; 2) отказ в области филологии — понимаемой широко, т. е. при включении в нее собственно лингвистической проблематики, — от категорических утверждений; 3) необходимость в этой области ранжированной характеристики явлений и фактов — в соответствии с недискретной природой языкового смысла; 4) необходимость в большом числе случаев не жестко бинарной характеристики объекта, а введения особых небинарных шкал; 5) всемерный учет феноменов языковой неоднозначности и неопределенности, понижающих филологию; 6) взаимопроникновение диахронических и синхронических явлений.

УДК 80/81
ББК 80

*В оформлении переплета использована
страница из рабочей тетради А. С. Пушкина («Первой арзрумской»)*

Фото на вклейке в начале книги сделано во время доклада Н. Н. Перцовой на тему «О подготовке комментированного издания ранних словотворческих рукописей Хлебникова» на Чтениях, посвященных 50-летию Лаборатории автоматизированных лексикографических систем в Научно-исследовательском вычислительном центре МГУ им. М. В. Ломоносова, 22 апреля 2014 г.

ISBN 978-5-94457-241-7

© Перцов Н. В., 2015
© Языки славянской культуры, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
----------------	---

I. ЛИНГВИСТИКА

Грамматическое и обязательное в языке	11
О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики	41
О неоднозначности в поэтическом языке.....	84
Из истории русской орфографии: Письмо немецкому естествоиспытателю о пользе буквы Ъ	117
О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц <i>уже</i> и <i>еще</i>	142
О статусе словообразования как части морфологии	149
Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии	157
О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола	194
О некоторых казусах в русской морфемике	210
Об альтернативности в грамматическом описании	216
К проблеме построения семантического метаязыка	226
К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных.....	236
О точности в филологии	253

II. ПОЭТИКА

Лингвистические заметки о поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне»	287
О классических мотивах у позднего Хлебникова (вступление к поэме «Поэт») [в соавторстве с Р. В. Дугановым]	306
О языковом иконизме Пушкина (Из комментариев к «Дому в Коломне»).....	315
Об одном афоризме Пушкина.....	341
Сонетный триптих Пушкина	347
Разнообразие в рамках однообразия (О стихотворении Пушкина «Ответ»).....	374
Поэтические отголоски устной фразеологии в кругу Пушкина и Дельвига	385
«Ночь, полная созвездий»: синтез пространства-времени у Хлебникова	391

«Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина) [в соавторстве с И. А. Пильщиковым].....	398
Заметки о синтаксических аномалиях у Хлебникова [в соавторстве с Н. Н. Перцовой]	426
О базе данных по словотворчеству Хлебникова [в соавторстве с Н. Н. Перцовой]	431
О полиметрическом стихе в поэмах Хлебникова	437
О теоретической концепции стиха М. И. Шапира	444
Об одном опыте «научной поэзии» у Пушкина («О сколько намъ открытій чудныхъ...»).....	471
Два «Медных Всадника»: поэтическая переключка в 1830-е годы [в соавторстве с И. С. Сидоровым]	486

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания).....	515
О лингвистических аспектах текстологии [в соавторстве с И. А. Пильщиковым].....	550
Сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в лингвистическом и историко-литературном освещении.....	587
О двух «николаевских» стихотворениях Пушкина — «Стансы» («В надежде славы и добра...») и «Друзьям»: историко-литературные и текстологические заметки.....	605
К текстологии поэмы «Поэт» Велимира Хлебникова	616
Об аутентичном текстологическом представлении рукописей русских классиков	627
О последнем прижизненном издании «Евгения Онегина» (1837 года)	649

IV. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

О Юрии Шихановиче (и не только о нем) — «все лучшие воспоминанья» полвека спустя	663
Об Александре Кибрике, филологе и человеке.....	669
Как однажды Зализняк мне помог в Египте.....	672
Список научных работ Н. В. Перцова	675
Указатель имен	684

ОТ АВТОРА

В соответствии с тремя областями филологии, к которым относятся включаемые в сборник работы, — лингвистика, поэтика, текстология — он подразделяется на три соответствующих одноименных раздела. Последняя статья первого (лингвистического) раздела — «О точности в филологии» — имеет общефилологический методологический статус. В последний, четвертый, раздел — «Из воспоминаний» — я поместил три мемуарных очерка, связанных с моими университетскими учителями.

Во втором разделе читатель может заметить обширные пересечения между двумя статьями о поэме Пушкина «Домик в Коломне». Эта поэма представляет собой замечательный лингвистический эксперимент; она пронизана языковой игрой; в ней сменяют друг друга разные стили поэтического повествования. В первой из посвященных ей статей изложение построено тематически, во второй — построчно (по октавам). Мне жаль было отказаться от какого-либо из этих двух способов подачи материала, необычайно интересного с точки зрения его лингвистической направленности.

В пределах каждого раздела тексты располагаются в основном в соответствии с хронологией их написания и публикации.

Сквозные мысли работ сборника:

- 1) скрепляющая роль лингвистики в широкой области филологического знания;
- 2) отказ в области филологии — понимаемой широко, т. е. при включении в нее собственно лингвистической проблематики, — от категорических утверждений;
- 3) необходимость в этой области ранжированной характеристики явлений и фактов — в соответствии с недискретной природой языкового смысла;
- 4) необходимость в большом числе случаев не жестко бинарной характеристики объекта, а введения особых небинарных шкал;
- 5) всемерный учет феноменов языковой неоднозначности и неопределенности, пронизывающих филологию;
- 6) взаимопроникновение диахронических и синхронических явлений.

Хотелось бы отметить еще один принцип, автору дорогой и отчасти нашедший отражение в работах сборника: в филологию нужно всё более внедрять, не полагаясь только на собственную интроспекцию:

- психологические и психолингвистические эксперименты,
- опрос носителей языка и носителей филологического знания,
- корпусные данные.

Не знаю, насколько мне самому удалось неукоснительно следовать этим методологическим установкам в предлагаемых читателю работах.

При чтении статей следует учитывать их привязанность ко времени их написания. Мне необходимо принести извинения читателям: я не смог привести те работы, которые относятся к периоду, относительно отдаленному от нынешнего момента, в соответствии с текущей современностью, учесть то новое в лингвистике и филологии, что связано с тематикой публикуемых работ. Отчасти «модернизации» таких моих работ воспрепятствовали личные житейские обстоятельства, отчасти — ограниченность моих возможностей.

Сентябрь 2015 года

I

ЛИНГВИСТИКА

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ В ЯЗЫКЕ*

<...> в тех случаях, когда речь идет о вопросах достаточно тонких и сложных, необходимо избегать двусмысленных терминов, а пользоваться лишь вполне точными, хотя бы их и приходилось создавать. Ведь люди сами по себе находятся под властью имен, и, когда их слуха достигает имя, которое им знакомо, они считают, что поняли его смысл, хотя зачастую не поняли ничего.

Из замечаний члена Французской академии Шарля Дюкло к «Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля» издания 1754 г.

В настоящей работе автор хотел бы привлечь внимание лингвистов к проблеме разграничения нескольких хорошо известных лингвистических понятий и уместного употребления соответствующих терминов. Речь пойдет о некоторых основных понятиях общей теории морфологии, относящихся к значениям. Наше изложение существенно связано с теорией морфологии И. А. Мельчука, развернутой в его фундаментальной пятитомной монографии «Курс общей морфологии», написанной и первоначально появившейся по-французски («Cours de morphologie générale») и полностью переведенной на русский язык и изданной в России [Мельчук 1997–2006]. Опираясь на данную теорию в целом, мы в то же время полемизируем с ее отдельными положениями.

Морфологическая концепция И. А. Мельчука складывалась в течение нескольких десятилетий — начиная с рубежа 1950–60-х годов. Первый ее вариант был подготовлен для публикации еще до эмиграции Мельчука в Канаду — в качестве продолжения книги [Мельчук 1974]; этому изданию не суждено было состояться. В начале 1980-х годов Мельчук возобновил работу по связному изложению своей теории морфологии на значительно более высоком концептуальном уровне (близком к дедуктивно-аксиоматическому методу точных наук) и на более развернутом и представительном иллюстративном материале.

Я активно обсуждал с И. А. Мельчуком текст создаваемой им монографии — сначала в качестве коллеги-читателя в частной переписке, а затем в качестве редактора ее русского перевода (с конца 1980-х годов стали уже возможны личные встречи).

---

* Впервые опубликовано: *Перцов Н. В.* Грамматическое и обязательное в языке // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 39–61.

Отчасти этим объясняется столь существенная опора на монографию Мельчука и столь основательное заимствование как иллюстративного языкового материала в разделе III, так и критериев противопоставления словоизменения и словообразования в разделе IV. За долгие годы нашего совместного обсуждения морфологических проблем данный материал был неоднократно «пропущен» через лингвистическое сознание автора этих строк.

I. О концепции грамматического как обязательного

Концепция грамматического как обязательного является одной из популярнейших в общей теории грамматики. Возможно, она восходит еще к трудам средневековых схоластов, откуда берет свое начало известный афоризм *Grammatica ars obligatoria* — «Грамматика есть искусство владения обязательным». В современной лингвистике данная концепция получила широкое признание более тридцати лет назад после известной статьи Р. О. Jakobson [Jakobson 1959].

Суть этой концепции сводится к следующему. Конституирующим признаком грамматических значений признается обязательность их выражения для некоторого класса языковых единиц. Грамматические значения приравниваются тем самым к словоизменительным значениям, причем в сферу словоизменения допускаются только такие формы, которые противопоставлены некоторым другим формам в рамках некоторой грамматической категории, обладающей свойством обязательности выражения для единиц некоторого класса. Из этого вытекает, что изолированные значения, не входящие ни в какие грамматические категории, не могут иметь словоизменительного статуса; утверждается, что в языке не может быть одного числа, одного рода или одного падежа, что соответствующие значения обнаруживают себя только через противопоставления некоторым положительно выраженным другим значениям¹.

Упомянутая работа Р. О. Jakobson оказалась ключевой в развитии концепции грамматического как обязательного, однако она лишь подвела итог предшествующих исследований. Сам Jakobson отдает пальму первенства Ф. Boas, что отражено уже в самом названии его статьи. Очерк Ф. Boas [Boas 1938], в котором отчетливо сформулирована данная концепция, относится к 1938 году, однако и у этого очерка был предшественник: несколькими годами ранее в популярной статье о китайском языке [Maspero 1934] французский китаевед Анри Масперо отказал ему в обладании грамматическими категориями (а также частями речи) именно на том основании, что в этом языке все значения, которые могут претендовать на этот статус, выражаются факультативно и не составляют необходимых элементов языкового мышления для носителей языка².

¹ Ср. парадокс М. В. Панова « $n-(n-1)=0$ », состоящий в том, что если из совокупности всех взаимоисключающих значений в количестве n , составляющих грамматическую категорию, изъять все, кроме одного, тогда грамматическая категория исчезает [Панов 1967: 16–17].

² Указание на приоритет А. Масперо автор почерпнул из книги [Коротков 1968: 34, 296].

Мы совершенно неспособны мыслить то или иное существительное или тот или иной глагол во фразе вне какой-либо грамматической категории — числа, времени и т. п.: существительное для нас непременно стоит в единственном или во множественном числе, глагол непременно в настоящем, прошедшем или будущем времени. Китаец же мыслит существительное и глагол вне зависимости от данных понятий: он может добавить их в качестве полезных указаний, однако они не являются необходимыми [Maspero 1934: 35].

Неизменяемость слов, усугубляемая отсутствием грамматических категорий и неразличением существительных и глаголов, оказала значительное влияние на китайское мышление. В самом деле, поскольку отношения между словами во фразе маркируются только порядком слов и никогда не выражаются обязательно с помощью особых слов (при отсутствии особых форм), эти отношения никогда не представляются как необходимые для мышления китайца [Ibid.: 51].

В [Maspero 1934] идея о том, что для признания грамматичности некоторой категории требуется ее обязательность для языкового мышления, подается как очевидная; французский лингвист не считал нужным формулировать принцип обязательности отдельно и независимо от его утверждений по поводу китайского языка.

Принцип обязательности грамматического значения был фактически повторен в посмертно опубликованной в 1945 г. работе Б. Уорфа [Уорф 1972: 45]; думается, он был достаточно популярен в американской лингвистике 1940–50-х годов³.

В отечественной лингвистике начиная с 1960-х годов принцип обязательности грамматического значения, впервые введенный в отечественный обиход И. А. Мельчуком в монографии четырех авторов [Ахманова и др. 1961: 34–35]⁴, всё более и более завоевывает место на страницах лингвистической литературы. Именно он положен в основу концепции грамматической категории А. А. Зализняка в книге [Зализняк 1967]. Сходные формулировки этого принципа встречаются в работах [Гухман 1968: 55; Булыгина 1968: 202; Общее языкознание 1972: 209; Кацнельсон 1972: 76; Ревзина 1973: 5; Булыгина 1980: 327]; в 1980–90-е годы данная концепция получила поддержку у представителей следующих лингвистических поколений [Поливанова 1983; 1985; Плунгян 1988; 1992; 1994б; Маслова 1994; Сумбатова 1994].

В. А. Плунгян предпринял попытку экспликации понятия обязательности посредством введения двух свойств грамматических оппозиций — «непривативности» и «семантической неоднородности», которые он рассматривает как следствия

---

³ Сошлюсь, например, на вскользь брошенное замечание Ф. Хаусхолдера в рецензии на книгу П. Форчхаймера (о категории лица): «О наличии категории в языке свидетельствует отнюдь не способность что-либо выражать, но неспособность оставить что-либо невыраженным», — после чего следует весьма неясное добавление: «хотя и существуют подлинные категории, являющиеся факультативными» [Householder 1955: 94].

⁴ Как станет ясно из дальнейшего, в современном варианте своей теории Мельчук отказался от радикальной формулировки данного принципа.

свойства обязательности (формулировка второго свойства основана на статьях [Поливанова 1983; 1985]). Импликация «обязательность $\rightarrow$ непривативность» представляется вполне естественной, вытекающей из самого смысла слова *обязательный*. В самом деле, обязательность некоторого набора значений для определенного класса объектов действительно предполагает непривативность соответствующих оппозиций, а именно — наличие у каждого из членов таких оппозиций положительных значений некоторых признаков, т. е. значений, для задания которых допускаются формулировки типа 'указание на свойство P ', 'указание на $не-P$ ' и т. п., но не допускаются формулировки типа 'не-указание на P ', т. е. 'отсутствие каких-либо указаний относительно P или $не-P$ ' (имеются в виду разные типы оппозиций, указанные Р. О. Якобсоном [Якобсон 1972: 102–103]). Возражение вызывает не сама импликация, а собственно категоричный тезис о непременно обязательном (а тем самым и непривативном) характере словоизменительных значений как класса.

Что касается тезиса о неперменной семантической неоднородности номинативных, т. е. семантически наполненных, словоизменительных категорий, то и он выглядит слишком категоричным и радикальным. Говорится о том, что любая семантически наполненная категория принудительным для говорящего образом членит действительность (или ее фрагмент) и тем самым вынуждает его непременно выражать какое-то значение данной категории и в случаях несущественности или неопределенности выбора; поэтому для такой категории должны существовать не только собственно семантические ядерные правила выбора ее граммем, но и более сложно устроенные правила — учитывающие разнородные семантические факторы или условные, ориентированные на «автоматическое», чисто синтаксическое, употребление граммемы. Пожалуй, можно согласиться с тем, что такая ситуация типологически наиболее вероятна и естественна для номинативной категории, но всё же не видно оснований превращать данную «фреквенталию» в «универсалию». Можно представить себе номинативную категорию, устроенную следующим образом: в нее входят некоторые «положительно заданные», четко формулируемые значения $\{ 'm_i' \}$ и еще одно значение $'m_0'$, которое также имеет положительную семантическую «нагрузку», но выбирается и в случаях несущественности или неопределенности выбора по соответствующему признаку. Правила выбора соответствующих граммем будут иметь довольно простое и ясное устройство, и семантической неоднородности в таком (пока гипотетическом) случае усматривать не хотелось бы. Если же принять во внимание необязательные номинативные словоизменительные значения (о чем см. ниже), то для них условие «семантической неоднородности» тем более не обязано выполняться, ср., например, квазиграммему аудитива в ненецком языке (пример (4) в разделе III ниже), правило выбора (смысл) которой формулируется предельно четко: «говорящий слышит то, о чем сообщает, и указывает на это».

В статье [Маслова 1994] подвергается пересмотру и уточнению формулировка обязательности значения, данная А. А. Зализняком [Зализняк 1967] (при этом также принимается трактовка словоизменительных значений как строго обязательных). Намеченное Е. С. Масловой различение разных «степеней» обязательности с точки зрения ее «силы» представляется плодотворным: «сильная обязательность» охватывает более широкие классы словоформ и носит более «безусловный» характер, нежели «слабая обязательность» (скажем, число и падеж для русского прилагательного «сильнее» обязательны, чем его род, поскольку последний проявляется только

в единственном числе). Однако следует сказать, что уточнения Е. С. Масловой не приводят к логически четкому пониманию обязательности и не всегда отвечают интуитивному представлению об обязательности значений для некоторых классов словоформ. Например, если рассуждать строго педантично, то набор значений {‘дими́нутив’, ‘аугментатив’} можно считать обязательным для множества пар словоформ из пар *домик — домище, слоник — слонище, лапка — лапища* и т. п. Тогда хотелось бы исключить данный класс из числа тех, к которым применимо свойство обязательности (чтобы не было соблазна считать указанные значения словоизменительными). Маслова предлагает соответствующее ограничение на класс словоформ **К**, относительно которого можно вообще говорить об обязательности: «все словоформы, включающие один из входящих в оппозицию показателей, а также те, которые отличаются от них только отсутствием этих показателей» [Маслова 1994: 46]. Здесь не ясен статус второй половины ограничения, начинающейся со слов «а также те»: *о б я з а н ы* или *м о г у т* входить словоформы без таких показателей в класс **К**? По сути дела представляется, что верно второе. Но тогда указанный выше класс русских существительных попадает в число допустимых с точки зрения обязательности классов. (Несмотря на предпринятые усилия, автору настоящей работы не удалось уяснить ряд предложений Е. С. Масловой — возможно, вследствие нечеткости и конспективности изложения, отсутствия необходимых разъяснений в ряде случаев и недостаточности иллюстративного языкового материала.)

Приходится констатировать, что ясной логической экспликации обязательности в упомянутых работах нет. Скажем, в определении словоизменительной категории у И. А. Мельчука [Mel'čuk 1993: 263; Мельчук 1997–2006, I: 249] существенен пункт об обязательном выражении значения **при** некоем знаке некоего класса (стратегия экспликации обязательности Мельчука может быть названа «синтагматической» — в отличие от более распространенной «парадигматической» стратегии, принятой Зализняком и другими лингвистами). Но что означает тот факт, что некоторое значение ‘*т*’ «обязательно выражается при знаке **s**»? По-видимому, это следует интерпретировать так: любое выражение, содержащее знак **s** (в частности, любой языковой знак, содержащий **s**), непременно передает значение ‘*т*’. Но тогда такие очевидно обязательные словоизменительные значения, как русские падежные граммемы, лишаются этого свойства: ср., например, такие пары, как *грунт — грунтовать, цинк — цинковать* и т. п., второй член которых содержит в качестве исходной основы первый и при этом вовсе не обязан выражать падеж (возможный только в причастиях *грунтующий, цинкованный* и т. п.).

Параллельно указанной линии грамматических исследований многими исследователями давно было замечено, что факты словоизменения ряда языков, в особенности изолирующих и агглютинативных, противоречат принципу обязательности грамматического значения. В отечественной лингвистической литературе такие факты были отмечены начиная с середины 1960-х годов (преимущественно в работах по грамматике восточных языков) — см.: [Коротков, Панфилов 1965: 39, 44; Яхонтов 1965: 95–96] (для китайского языка, в частности, отмечался словоизменительный и при этом не обязательный характер показателя «коллективной множественности» — *мэнь*). В 1970–80-е годы убедительные свидетельства против концепции обязательности грамматического значения, почерпнутые из материала тюркских языков,